

УДК 811

А.А. Мокрушина

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ*

На сегодняшний день вопросы, касающиеся особенностей межкультурной коммуникации, приобрели чрезвычайную остроту. В основе этой ситуации лежат различные причины, связанные с политическим, экономическим и культурным развитием.

Любой межкультурный диалог подразумевает взаимопонимание партнеров по коммуникации, однако нередко можно наблюдать и примеры несовпадения культурно-языковых архетипов участников коммуникативного процесса, что часто ведет к возникновению конфликтов. Эта проблема затрагивает все стороны жизни, и человек может столкнуться с ней даже в «одностороннем» порядке, например, знакомясь с иностранной литературой, кинематографом и т. д. Именно поэтому следует помнить, что «каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием... представление о мире» [30].

Попытка проникнуть в образ мышления нации, взглянуть на мир глазами представителя определенной культуры возможна лишь через знание языка данной культуры. «В последнее время в выражение “узнать язык” вкладывается особое значение, отличное от традиционного, предполагающего изучение иностранного языка как средства общения, когда человек, овладев определенным набором фонетических, грамматических и лексических навыков, считает себя готовым к коммуникации. Современные исследователи под вышеуказанным выражением предполагают “глубокое проникновение в план языка, в его семантику”, что подразумевает и попытку понять склад мышления нации, взглянуть на мир с их точки зрения» [7].

Тем не менее в действительности человек как представитель той или иной культуры зачастую оказывается под воздействием иллюзорного представления об идеальном восприятии мира, мировоззрении, нормах поведения и т. д., расценивая вариант, предлагаемый родной культурой, как единственно приемлемый. Поэтому, сталкиваясь с иным видением мира, человек оказывается перед выбором — либо принять специфику новой культуры, либо полностью отказаться от нее. Возникает феномен, который исследователи традиционно называют *культурным барьером*.

О существовании тесной взаимосвязи между набором лексики определенного языка с жизнью общества в целом и отдельного индивида в частности исследователи говорят давно. Однако не все разделяют данную точку зрения (например, С. Пинкер), полагая, что сознание человека находится под сильным влиянием теории Сепира–Уорфа [27].

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» на 2009 г.

© А. А. Мокрушина, 2009

Тем не менее данное мнение зачастую не выдерживает критики. Так, С. Пинкер, автор работы «Языковой инстинкт», игнорирует многочисленные примеры наличия тесной взаимосвязи между языком и образом мышления носителя данного языка [14].

Вопрос влияния, оказываемого родным языком на восприятие мира человеком, также получил отражение в работах А. Вежбицкой, которая приводит различные примеры сопоставления схожих на первый взгляд концептов, существующих в различных языках. Так, например, сравнение понятий «друг» в русском и «friend» в английском языках, связанное с изучением семантических полей данных понятий, позволяет увидеть, что слово *друг* включает в себя качественно иные смыслы, нежели английское *friend*. Основной вывод, который делает исследовательница, заключается в следующем: язык и культура так прочно взаимосвязаны, что не могут изучаться в отрыве друг от друга.

Родной язык, сквозь систему которого человек воспринимает окружающий мир, оказывается способным трансформировать действительность в сознании индивида. Исследователи многократно подчеркивали эту особенность, предлагая, например, сравнить порядок слов в различных языках и соотнести полученные данные с моделью мира, существующей у носителей различных языков. «Анализируя специфику русской структуры предложения, а именно отсутствие жесткого порядка расположения слов, можно предположить, что на психологическом уровне это сформирует следующую специфику осмысления мира: укоренение в бессознательном слое мира как образования без четко проработанной и всеобъемлющей структуры. Это мир, в котором может случиться все...» [24]. В то же время, те языки, в которых порядок слов подчинен более строгим правилам, предполагают существование качественно иной картины мира.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд концептов¹, значимых в рамках арабской и русской культур. Через разбор и анализ некоторых из них будет предпринята попытка выявить сходные и специфические черты данных культур [8, 10].

Лексика любого языка условно может быть разделена на три части. К первой из них относятся те слова, которые существуют во всех естественных языках. Вторая включает слова, примерные аналоги которых существуют в большинстве языков. Например: *стол* — مكتب [maktab^{um}]; *хлеб* — خبز [hubz^{um}] и т. д.² Третья группа включает в себя специфическую для данной культуры лексику. Например, для носителя русского языка к разряду такой лексики могут быть отнесены слова *калач*, *бублик*, а для представителя арабской культуры — بلح [balah^{um}] (*свежий финик*), تمر [tamr^{um}] (*сухой финик*), رطب [rutab^{um}] (*свежий, спелый финик*) [23].

В качестве примера подобной специфической лексики в русском языке можно рассматривать слово *уют*. Словарь В. Даля предлагает следующее определение понятия: «Уют — приют, укромность, поместительность и удобство; тепло в покоях, подручность всего нужного, комфорт...» [17]. Словарь синонимов дает вариант: «Уютный — уютный (уст.)» [29]. Предлагаемый словарем В.М. Борисова перевод данного понятия на арабский язык — راحة المسكن [raḥat^{un} 'l-maskanⁱⁿ] или راحة منزلية [raḥat^{un} manziliyyat^{un}] является малоупотребительным и не в полной мере передает суть понятия. Носитель русского языка понимает под словами *уют*, *уютный* нечто более широкое, чем может быть передано словом *комфорт*. Комфорт есть совокупность внешних характеристик — удобство, современность и т. д. Так, например, носитель русского языка может назвать квартиру *комфортной*, не имея в виду, что это *уютная квартира*. Слово *уютный* включает в себя оценку говорящего, его внутреннее отношение к тому, о чем он говорит. *Уютная квартира* в понимании носителя русского языка может не быть *комфортной*,

но в ней приятно находиться. Одной из основных характеристик *уют* можно считать отгороженность от опасного внешнего мира и его связь с чем-то родным. А.Д. Шмелев пишет по этому поводу: «Любопытно сопоставление слова *уют* с его аналогами в некоторых европейских языках. На французский язык слова *уют* и *уютный* вряд ли переводимы, а в английском языке есть близкое по смыслу к русскому *уютный*, но не очень употребительное прилагательное *cozy*...» [31].

Несмотря на то, что в научных работах нередко упоминается такое понятие, как «*общечеловеческий опыт*», которое отчасти включает в себя способность к переживанию сходных эмоций представителями различных культур (*злость, радость, любовь* и т. д.), как показывают результаты исследования, для носителя каждого языка понятия, означающие данные эмоции, могут нести специфические оттенки значения, что, как правило, получает свое отражение и в языке. Так, например, в арабском языке для обозначения *печали* можно найти несколько вариантов — *حزن* [*huzn^{um}*] (*печаль*) и *شجن* [*šaġan^{um}*] (*сильная печаль*) и т. д.³

Именно ввиду двоякой природы эмоций, — с одной стороны, общих для всех народов, с другой — обладающих специфичными чертами внутри отдельно взятой культуры, — необходимой представляется экспликация и анализ эмоциональных концептов, а также попытка понять через них особенности национального характера того или иного народа.

Концептуализация и понятие концепта

Понятие концепта является одним из основополагающих в лингвокультурологии. *Концептуализацией* называется один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в переработке поступающей к нему информации с последующим конструированием определенных представлений об окружающем мире, т. е. направленный на формирование концептов, таких как *концепт времени, пространства, движения* и т. д. Определенная часть концептов закрепляется в виде конкретных значений, что позволяет хранить и передавать их из поколения в поколение.

На следующем уровне сознание человека производит упорядочивание концептов, формирующихся в концептуальную систему [18]. Так, Р.И. Павиленис рассматривает ее как систему мнений и знаний о мире, отражающую познавательный опыт человека [26].

Понятие «*концепт*» было заимствовано лингвистами из математической логики, а его прообразом следует считать учение Платона об идеях. Под концептом, как правило, подразумеваются понятия общего порядка, являющиеся ценными в рамках не только определенной культуры, но и человеческой культуры в целом. Так, в качестве примера можно назвать концепты «*справедливость*», «*надежда*», «*вера*», «*ненависть*», «*беззаконие*» и т. д. Характерной чертой концепта является содержание эмоциональной компоненты.

При этом концепт не всегда должен иметь вербализованную форму. «Концепт, таким образом, не обязательно вербален. Более того, он может эксплицироваться “предметными действиями”» [20].

Е.С. Кубрякова так описывает это понятие: «Концепт — оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга

(lingua mentalis), всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [21]. А.П. Бабушкин дает следующее определение: «Концепт — дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном мире» [11]. Таким образом, концепты, сводя все разнообразие явлений, наблюдаемых человеком, в единую концептуальную систему, позволяют хранить знания о мире.

С.Г. Воркачев выделяет три основных подхода в лингвистическом понимании концепта. Согласно первой точке зрения в число концептов включены те лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания; они формируют наивную картину мира носителя языка.

В более узком понимании к числу концептов относятся семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, характеризующие носителей определенной этнокультуры. В соответствии с третьим подходом к числу концептов следует относить лишь семантические образования, количество которых ограничено и которые являются *ключевыми словами* для понимания национального характера [16].

Термин «концепт» соотносится по своему значению с русским словом *понятие*, однако не является полностью тождественным ему, так как *понятие* имеет более широкую сферу употребления как в разговорном, так и в профессиональном языках.

По поводу важного для лингвистики вопроса о статусе концептов и понятий в рамках различных культур существует две основные точки зрения. Согласно первой из них, концепты являются тождественными во всех языках, несмотря на то, что они могут быть представлены в различных формах. Согласно второму мнению, «концепты в различных языках и культурах обычно не совпадают, поскольку разные языки по-разному отражают действительность, берут в основу формулируемого понятия различные его стороны. Иначе говоря, в каждом языке понятия специфичны» [20].

Таким образом, концепты характеризуются как конструкторы представлений, знаний человека о себе самом, об окружающем мире, т. е. являются ментальными образованиями, которые имеют некий единый смысл.

В рамках данной статьи следует особенно выделить определение *концепта*, предлагаемое А. Вежбицкой [15], которая рассматривает его как объект, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире. Что касается реальной действительности, то она, по мнению исследовательницы, дана человеку в мышлении — через родной язык.

Занимаясь изучением картины мира, присущей тому или иному народу, следует различать общекультурные концепты, свойственные данной культуре в целом, и концепты, формирующиеся в сознании отдельного человека. Последующий анализ концептов как ключевых понятий культуры позволяет исследователю понять нюансы картины мира изучаемого народа⁴. Наглядным в этой связи является определение концепта, предложенное Н.А. Красавским: «Концепт есть некая идея, фрагмент общей человеческой культуры, живущий в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп и, более того, конкретных индивидуумов... Сопоставительный анализ концептосфер разных культур позволяет уже сегодня со всей очевидностью увидеть особенности национально-специфического сознания человека, зафиксировать в частности и в особенности отраженные на вербальном уровне отличия и сходства мыслительной деятельности того или иного народа, специфику его ментального мира, национального характера» [20].

Экспликация эмоциональных концептов

Обращение к эмоциональным концептам в качестве материала для исследования и сопоставления объясняется тем, что любое понятие, обозначающее эмоцию, в лингвистике традиционно считается сложным (или невозможным) для экспликации. Теория семантических примитивов дает возможность эксплицировать значения эмоциональных концептов, которые принято считать универсальными для всех культур.

В частности, А. Вежицкая говорит о необходимости тщательного изучения культурных концептов с целью понимания через них свойств национального характера того или иного народа. По словам исследовательницы, сведения об этническом характере есть результат анализа, но не исходная предпосылка.

Системы видения мира носителями различных языков следует сопоставлять, используя для передачи национально-специфических концептов язык семантических примитивов. Следовательно, не только мысли могут формироваться в рамках определенного языка, но и чувства человека также заключены в рамки одного языкового сознания.

Практически любая деятельность человека связана с эмоциональными переживаниями, поэтому эмотивность является неотъемлемой частью жизни человека. Базовые эмоции универсальны, благодаря чему оказывается возможным существование типовых эмоционально значимых ситуаций межкультурного и внутрикультурного общения.

Эмоции, которые составляют базу человеческой деятельности, не могли не получить своего отражения в языке. «Таким образом, человек и его эмоции являются частью самой объективной действительности, т. е. отражаемыми объектами реальной картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения эмоций человека, как одна из форм отражения объективной действительности. В этом и заключается специфика эмоций человека: они и объект отражения в языке, и инструмент отражения самих себя и других объектов действительности» [22].

А. Вежицкая настаивает на том, что эмоциональные концепты (например, *тоска* в русском языке или *حزن* [*huzn*^{um}] в арабском) могут быть истолкованы через использование ряда семантических примитивов [3]. Так, «язык семантических примитивов позволяет строго и эксплицитно описать все пространство значений во всех языках» [15].

Под термином «*эмоциональный концепт*» Н.А. Красавский предлагает понимать следующее: «*Эмоциональный концепт* мы трактуем как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [20].

Использование специального семантического метаязыка в процессе описания всех оттенков значений того или иного понятия освобождает процесс экспликации от влияния родного языка.

А. Вежицкая пишет: «Необходимость экспликации эмоциональных концептов уже неоднократно подчеркивалась психологами... но сейчас сбитые с толку читатели задаются вопросом: для чего это нужно? Отвечая им, позвольте мне еще раз коротко сформулировать основные моменты:

1. Эмоции играют решающую роль как в жизни человека, так и в его поступках. Поэтому изучение эмоций является важной частью психологии...

2. Эмоции необычайно трудно исследовать (настолько трудно, что вплоть до недавнего времени это считалось невозможным).

3. Традиционные теории, касающиеся изучения эмоций (теория Джонсона-Лэрда и Оатли; 1992), содержат богатый материал о структуре эмоций и природе человеческой эмоциональности...

4. Исследователи надеются изучить эмоции, опираясь на огромное количество эмоциональных концептов, предлагаемых им их родным языком. Это неизбежно и необязательно неверно: в том случае, если они отдают себе в этом отчет и не вводят себя в заблуждение, полагая, что, говоря, например, о злости, радости или раздражении, они имеют в виду некие биологически определяемые универсальные человеческие ощущения, а также если они понимают, что рассматривают человеческий эмоциональный опыт сквозь призму собственного языка...

5. Изучая эмоциональные концепты английского языка, мы можем подготовить базу для сопоставительного межкультурного исследования, что является важнейшей задачей для понимания человеческих культур» [5].

Тем не менее вопрос о возможности экспликации эмоциональных концептов вызывал и вызывает сомнения у ряда исследователей, которые полагают, что объяснить их с использованием традиционного инструментария — невыполнимая задача [32].

Например, невозможно передать смысл слова *печаль* тому, кто никогда не испытывал подобного чувства, т. е. не имеет личного субъективного опыта по отношению к этой эмоции, так же как нельзя объяснить слепому человеку, что такое *синий* или *красный* цвет. В подобных случаях на помощь исследователю приходят либо так называемые слова-прототипы, благодаря которым происходит отсылка к какой-либо сущности, о которой у слушающего имеется представление (например, соотношение *красного* цвета с цветом *крови*), либо модулируются возможные условия возникновения ситуации (например, связанной со словом *печаль*).

Учитывая логичность подобного объяснения, некоторые ученые продолжают настаивать на том, что метод, предложенный А. Вежбицкой, является разумным решением данной проблемы.

Чтобы понять, каким образом происходит «кодификация» эмоциональных концептов сообразно представлениям А. Вежбицкой, следует рассмотреть пример экспликации некоторых понятий. Такие слова, как *счастливый* и *радостный* (سعيد [sa'īd^{um}] و فرح [fariḥ^{um}]), сопоставимы между собой в большей степени, чем со словами *несчастный* или *печальный* (شقي [šaqīyū^{um}] حزين [ḥazīn^{um}]). Так, первая группа слов объединяет «хорошие» чувства, а вторая — «плохие».

Следующий этап требует возвращения к неопределяемым элементам (семантическим примитивам), которые являются интуитивно понятными носителю любого языка. Таким образом, эмоциональные концепты, включая базовые («гнев», «печаль» и т. д.), могут быть истолкованы в терминах универсальных семантических примитивов, таких как «хороший», «плохой», «делать», «знать», «хотеть» и т. д. [5].

Оперируя имеющимся в распоряжении запасом средств, исследователь может эксплицировать различные понятия, стремясь учесть все возможные варианты употребления лексемы и выверяя соответствие толкований этим словоупотреблениям. В случае пересечения значений у различных слов необходимо вывести такие толкования,

которые также частично совпадали бы и освещали как сходства, так и различия между лексемами.

Используя метод А. Вежбицкой [15], произведем экспликацию пары лексем, считающихся синонимичными, из русского и арабского языков: *радостный* — *довольный* и فرح [fariḥ^{um}] — مسرور [masrūr^{um}]/ راض [rādⁱⁿ].

А. *Х* *радостный* или فرح [fariḥ^{um}].

Х чувствует что-то;

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло нечто хорошее,

я этого хотел,

я не думал, что это произойдет, но это произошло;

поэтому этот человек чувствует нечто хорошее;

Х чувствует что-то похожее.

Б. *Х* *довольный* или مسرور [masrūr^{um}]/ راض [rādⁱⁿ].

Х чувствует что-то;

иногда человек думает примерно так:

со мной произошло нечто хорошее,

я этого хотел,

я делал так, чтобы это произошло,

поэтому этот человек чувствует нечто хорошее;

Х чувствует что-то похожее.

В экспликации лексемы *радостный* была использована фраза «я не думал, что это произойдет, но это произошло». При экспликации слова *довольный* присутствует другая фраза — «я делал так, чтобы это произошло».

Можно представить ситуацию, когда человек рад результату своих усилий, и в таком случае уместно было бы описание «я делал так, чтобы это произошло». Однако подобная ситуация отражает лишь часть возможных употреблений данной лексемы, а значит, не может считаться универсальной. Именно поэтому носитель русского языка скорее скажет «*Я рад, что ты здесь*» вместо «*Я доволен, что ты здесь*». Таким образом, для экспликации слова *радостный* на первый план выходит сомнение в том, что данное событие могло произойти, в то время как в толковании лексемы *довольный* важнее оказывается то, что для осуществления чего-либо были приложены усилия.

Несмотря на то, что значение этих пар слов очень близко, существует оттенок смысла, который не является очевидным, но зависит от контекстного употребления. Для носителя русского языка естественно будет звучать вопрос «*Ты доволен?*», например, в ситуации, когда хозяин спрашивает гостя о его настроении. Вопрос «*Ты рад?*» в подобных условиях будет неуместен. Аналогичная ситуация наблюдается и с употреблением слов в арабском языке: هل أنت مسرور؟ [hal 'anta masrūr^{um}] — подобный вопрос может быть задан хозяином дома гостю.

При этом значение данных лексем в ряде контекстов может полностью совпадать. Например, вопрос «*Ты рад, что сдал экзамен?*» звучит так же естественно, как «*Ты доволен, что сдал экзамен?*». Следует отметить, что в сознании носителя русского языка *радость* носит более яркий характер, т. е. выражается, как правило, более оживленно и явно, нежели *довольство*, *удовлетворение*.

Словарь синонимов русского языка предлагает следующее определение: «*Радостный* — ликующий, торжествующий, лучезарный, светлый, солнечный... сияющий...»; «*довольный* — удовлетворенный, убогатворенный» [29]. Таким образом, *радость* соотносится с ликованием, торжеством, а *удовлетворение* связывается с внутренним спокойствием, тихой радостью. «Этот подход к изучению семантики понятий, означающих эмоции, позволяет находить нюансы значений между близкими эмоциями (радостный, счастливый, довольный и т. д.)» [1].

А. Зализняк проводит сопоставление лексемы *радость* с лексемой *удовольствие*, отмечая, что для русской языковой картины мира свойственно противопоставление *высокого* и *низкого*. В состоянии подобной аксиологической поляризации в рамках русского языка существует достаточно большой объем понятий, таких как, например, *истина* — *правда*; *добро* — *благо* и т. д. «Другими словами, аксиологическая поляризация внутри пары *радость* — *удовольствие* обусловлена тем, что радость связывается со способностями души или духа, а удовольствие является атрибутом тела или плоти... Таким образом, удовольствие, будучи само по себе по меньшей мере аксиологически нейтральным, в русской языковой картине мира «сдвигается» в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый жаждой удовольствий и проводящий жизнь в погоне за удовольствиями, представляется жалким, бездуховным существом» [19].

Таким образом, процедура смыслового подхода, предложенная А. Вежибицкой, позволяет решить целый ряд вопросов, связанных с описанием всего пространства значения лексемы, определением границ, существующих между синонимами, а также выявлением тех средств, оперируя которыми, исследователь получает возможность проводить сопоставительный анализ эмоциональных концептов в различных языках.

Концепт «жалость» в русском и арабском языках

Эмоциональные концепты подвержены различного рода изменениям вследствие как социально-экономических трансформаций, так и процессов, происходящих внутри языка.

Само развитие эмоции условно можно рассматривать в рамках нескольких уровней:

1. Первопричина эмоции — физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей.
2. Непосредственная причина — интеллектуальная оценка этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного либо нежелательного.
3. Собственно эмоция, или состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей.
4. Обусловленное той или иной интеллектуальной оценкой или собственно эмоцией желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию.
5. Внешнее проявление эмоции [9].

Некоторые исследователи (например, Э. Нойманн, Ф. Риман и др.) полагают, что первичными эмоциями человека были страх, гнев и радость. Следующими в процессе развития появились сострадание и чувство вины [20]. Опираясь на это разграничение, были введены понятия базисных (первичных) и вторичных эмоций, количество кото-

рых, равно как и вопрос о том, какие именно эмоции могут быть включены в ту или иную группу, неоднократно обсуждался. Следует отметить, что вторичные эмоции рассматриваются как производные от базовых, т. е. образованные в результате смешения первичных эмоций.

Теорию о существовании базовых эмоций исследователи подкрепляют целым рядом доводов, прежде всего отмечая, что не существует ни одной известной культуры, представителям которой несвойственны были бы основные эмоции.

При этом в рамках конкретной культуры может не существовать специального названия для обозначения той или иной эмоции, что, однако, не означает, что представители данной культуры не способны ее испытывать [14].

Чувства страха, гнева, удовлетворения могут испытывать не только люди, но и животные, что также доказывает врожденность этих эмоций. Кроме того, все базовые эмоции оказывают сильное влияние и на физическое состояние человека. Например, человек, испытывая страх, бледнеет, а в гневе — краснеет [28].

Перед исследователями вставал вопрос: способны ли названия эмоций каким-либо образом влиять на сам процесс создания эмоций?

Согласно мнению А. Вежбицкой, теория социального конструктивизма во многом справедлива, «и такие понятия, как *harry* в английском, *тоска* в русском, *song* в ифалук, *атае* в японском, действительно содержат определенные “сценарии”, на основе которых носитель языка может интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Именно поэтому такие понятия дают бесценный ключ к пониманию культур и обществ. Но для того, чтобы их использовать в качестве такого ключа, их следует сначала строго проанализировать и точно понять» [15].

К. Эбелинг писал: «Если понятие адекватно истолковано, можно сказать, что это является наглядным доказательством его релевантности» [2].

Далее будет рассмотрен пример использования теории семантических примитивов для описания эмоционального концепта «жалость» с целью анализа всего спектра его значений внутри русского языка, а также его сопоставления с аналогичным понятием, представленным в арабском языке.

Данное понятие следует рассматривать как ключевое слово, так как оно является значимым в рамках русской культуры. «Ключевые слова — это слова особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [14].

Такие понятия, как *душа*, *судьба* или *тоска*, гораздо более значимы для русской культуры, чем для любой другой. Прийти к подобному заключению позволяет анализ частотности их употребления как в художественной литературе, так и в разговорной речи, а также сопоставление данных понятий с аналогичными, существующими в других языках. Так, например, в английских переводах русских романов понятие *душа* иногда переводится как *soul*. Тем не менее в большинстве случаев его замещают слова *heart* (сердце) и *mind* (сознание), что указывает на более широкое смысловое значение понятия [6].

Понятие «жалость» весьма неоднозначно и способно выражать противоречащие друг другу значения. «Жалость — 1. Сострадание, соболезнование... 2. Печаль, сожаление...» [25]. *Жалость* вызывает *жалкий* человек, т. е. «достойный жалости, сожаления, участия; возбуждающий чувство жалости, сострадания, соболезнования; склоняющий к грусти, печали...» и в то же время «ничтожный, презрительный, упавший, плохой» [17]. В этом смысле данное понятие связывается с состраданием, сочувствием или ду-

шевной болью, вызываемой зрелищем чужого страдания. Его экспликация может быть представлена в следующей схеме:⁵

Жалость (1)

X чувствует что-то;
иногда человек думает примерно так:
с кем-то произошло нечто плохое,
я не хотел, чтобы это произошло,
я хотел бы (хочу) сделать что-то хорошее этому человеку,
поэтому этот человек чувствует нечто;
X чувствует что-то похожее.

В данном употреблении слово имеет положительную смысловую окраску — жалость воспринимается в этом контексте не как снисходительность к кому-либо, а как одна из базовых эмоций (согласно некоторым спискам) — способность к сопереживанию.

В качестве примера для русского языка можно рассматривать выражение *испытывать жалость к самому себе*, когда имеет место ситуация, в которой говорящий выступает одновременно и объектом, и субъектом действия. В данном контексте говорящий употребляет слово *жалость* в «положительном» смысле: *я испытываю жалость к себе, я жалею себя, т. е. я сочувствую себе*.

Тем не менее это же понятие может иметь негативную окраску. Схема экспликации в этом случае изменится.

Жалость (2)

X чувствует что-то;
иногда человек думает примерно так:
с кем-то произошло нечто плохое,
я не хотел, чтобы это произошло,
мне лучше, чем этому человеку (= я лучше, чем этот человек),
поэтому этот человек чувствует нечто;
X чувствует что-то похожее.

Таким образом, *жалость (1)* и *жалость (2)* оказываются понятиями с различной смысловой окраской. С употреблением слова *жалость (1)* говорящий воспринимает того, к кому испытывает это чувство, равным себе, в то время как *жалость (2)* подразумевает, что говорящий ставит себя выше (мне *лучше*, чем этому человеку, значит, я *лучше*, чем этот человек)⁶.

Помимо существительного *жалость*, аналогичное значение может передаваться глаголом *жалеть* либо формами *жалко*, *жаль*. «При этом предикативы *жалко* и *жаль* обозначают актуальное чувство, а глагол *жалеть* — установку» [19].

Глагол *жалеть* способен управлять винительным либо родительным падежом, что также влияет на смысл высказывания. В качестве примера можно рассмотреть два предложения: *Мне жалко собаку* и *Мне жалко собаки*. В первом случае говорящий описывает само чувство жалости, вторая ситуация — сожаление о том, что было и чего нет в настоящий момент⁷.

В обоих контекстах субъектом выступает живое существо, если же заменить его не-

одушевленным предметом, соотношение сохранится, но приобретет метафорическую форму. Например: *Мне жалко чашку* и *Мне жалко чашки*. В первом случае происходит описание чувства жалости, а во втором — сожаления. Однако в отношении неодушевленного предмета эти значения могут пересекаться и практически совпадают — оба предложения отражают сожаление об утрате предметом особых функций [19].

Следует отметить, что в ряде случаев предикаты *жаль* и *жалко* несут значение сожаления. Например: *Мне жаль, что ты с ним не встретился* и *Я сожалею, что ты с ним не встретился* (т. е. я хотел бы, чтобы произошло нечто (встреча), но этого не случилось). С точки зрения носителя языка, первая фраза более естественна, в то время как вторая скорее свойственна книжной речи.

Наряду с понятием «жалость» было рассмотрено еще одно — «сожаление». Понятие «сожаление» можно рассматривать как производное от концепта «жалость», т. е. «восстанавливается следующий путь семантической деривации от “жалости” к “сожалению”: от прототипической “жалости” как сострадания чужому горю или боли к “жалости-сожалению” как собственному страданию от утраты кого-либо или чего-либо дорогого (сожаление об умершем; о пропавших письмах и т. п.), далее — “сожалеть” — уже не страдание, а просто грусть о безвозвратно утраченном прекрасном» [19].

Понятие «сожаление» так же многозначно, как и «жалость». С одной стороны, можно сожалеть о совершенной ошибке. Например, в контексте предложения *Я сожалею, что сделал это* говорящий подразумевает, что, если бы это было в его силах, он не повторил бы сделанного. С другой стороны, в предложении *Я сожалею об ушедшей юности* смысл иной — говорящий высказывает сожаление о том, что прошло и чего уже не вернуть.

Таким образом, значение рассмотренных понятий во многом зависит от синтаксических конструкций. Например, в предложении *Мне жаль собаку* описана жалость к животному, а во фразе с инфинитивной конструкцией *Мне жаль уезжать* подчеркивается сожаление о чем-то неизбежном.

Ниже приводится схема употребления лексем *сожалеть, жалеть, пожалеть, жалко, жаль* и *раскаиваться*⁸, предложенная А. Зализняк [19]:

	(о том) что + предложение	о + сущ. в предлож. п.	Инф.	Сущ. в род. п.	Сущ. в вин. п.
<i>Сожалеть</i>	Я сожалею, что отказался	Сожалею о своем отказе	—	—	—
<i>Жалеть, Пожалеть</i>	Я жалею / пожалел, что отказался	Впоследствии он жалел / пожалел о своем решении	Пожалела выбрасывать коробку / Она всегда жалеет выбрасывать коробки	Жалеет / пожалел денег на такси	Жалеет собак / Пожалел собаку
<i>Жалко</i>	Жалко, что ты вчера не пришел	—	Жалко отсюда уезжать	Жалко времени	Жалко собаку
<i>Жаль</i>	Жаль, что вас не было с нами	—	Жаль отсюда уезжать	Жаль потраченного времени	Жаль собаку
<i>Раскаиваться</i>	Согласился, а теперь в этом раскаиваюсь	Раскаиваюсь, что согласился / раскаиваюсь в своем поступке	—	—	—

Следует рассмотреть понятия с аналогичным значением, существующие в системе арабского языка.

Словарь предлагает для понятия *жалость* несколько арабских эквивалентов: حنان [ḥanān^{um}] رافة [ra'fat^{um}] شفقة [šafaqat^{um}] [13], а для глагола *жалеть* помимо однокоренных حن [ḥanna] راف [ra'afa] أشفق [ašfaqa] также формы رثى [ratā] رحم [raḥima] [19].

Так же как и в русском языке, каждое из этих понятий несет свой смысловой оттенок. Например, для слова شفقة [šafaqat^{um}] арабско-русский словарь предлагает следующие варианты перевода: «жалость», «сострадание» и «снисхождение» [12].

Следует рассмотреть данную лексему внутри некоторых контекстов. Например: هذه المرأة مملوءة بالرحمة والشفقة [hādīhi 'l-mar'at^u tamli'ūt^{um} bir-raḥmatⁱ waš-šafaqatⁱ] (досл. *Эта женщина наполнена состраданием и сочувствием*) وأشفق عليه [ašfaqa 'alayhⁱ] (Он пожалел его / Он посочувствовал ему). Из приведенных примеров видно, что значение понятия شفقة [šafaqat^{um}] если не полностью совпадает, то близко по смыслу понятию «сочувствие» в русском языке, которое в зависимости от употребления может включать в себя один из оттенков понятия *жалость* (2), рассмотренных ранее. Если в первом примере этот нюанс значения присутствует незначительно либо отсутствует полностью, то в контексте второго предложения можно допустить ситуацию, в которой говорящий сочувствует кому-либо с долей снисхождения.

Арабский толковый словарь в качестве синонима лексеме رافة [ra'fat^{um}] предлагает слово رحمة [raḥmat^{um}] [33], которое чаще используется в значении *милосердие*. Например: رحمة الله [raḥmat^u l-lāhⁱ] (*милосердие Божье*). Данное понятие также следует рассматривать внутри контекста. Например: إن قلبه رؤوف [inna qalbah^u ra'ūf^{um}] (досл. *Поистине у него жалостливое сердце* или *Он милосерден*) وأف به [ra'afa bihⁱ] (*Он пожалел его* или *Он проявил к нему милосердие*).

Анализируя значение слова, предлагаемого словарем, а также обращаясь к его контекстному употреблению, можно заключить, что лексема رافة [ra'fat^{um}] оказывается ближе по значению слову *жалость* (1), которое также несет оттенок сострадания, сочувствия чужому несчастью — милосердия.

Основное значение лексемы رثى [ratā] означает *оплакивать усопшего* [33]. Тем не менее ее второе значение может быть передано глаголом *жалеть*. Например: رثى حاله [ratā ḥālāh^u] (*Он пожалел его*). При этом оно несет оттенок безысходности.

Глагол حن [ḥanna] и производное от него существительное حنان [ḥanān^{um}], которые словарь также предлагает в качестве возможных эквивалентов понятиям «жалеть» и «жалость», оказываются в большей степени связаны со значением *испытывать нежность* либо *привязанность*. Например: حنان الام [ḥanān^u l-'ummⁱ] (*нежность = жалость, сочувствие матери*). Однако в предложении حن الى الوطن [ḥanna 'ilā l-waṭanⁱ] слово приобретает иной оттенок со значением *ностальгия по родине*.

Арабский толковый словарь также предлагает для передачи значения понятия «жалость» слово عطف [aṭf^{um}], в качестве синонимов которому могут выступать شفقة [šafaqat^{um}] и حنان [ḥanān^{um}] [33]. Смысловой оттенок этого понятия близок понятию «жалость №» в русском языке.

Понятие «сожаление» со значением «я бы не хотел, чтобы это произошло, но это произошло» будет передаваться на арабский язык лексемой أسف [aṣaf^{um}] и производными от нее формами.

Приведенные выше примеры подтверждают возможность использования единого семантического метаязыка с целью решения ряда задач. Выбор эмоциональных концеп-

тов в качестве материала для исследования и сопоставления был сделан не случайно и объясняется тем, что любое понятие, обозначающее эмоцию, в лингвистике традиционно считается сложным для экспликации. Используя теорию семантических примитивов, мы попытались эксплицировать значения эмоциональных концептов, которые принято считать универсальными для всех культур. Применение метода, предложенного А. Вежбицкой, позволяет наглядно убедиться не только в том, что эмоциональные концепты могут иметь свои оттенки значений в различных культурах, но и дает возможность оценить семантические особенности эмоциональных концептов внутри одной культуры.

Примечания

¹ Понятие «концепт» будет подробно рассмотрено ниже.

² Можно предположить, что существуют культуры, не знакомые с данными реалиями, а следовательно, не имеющие их языкового воплощения.

³ Помимо этих слов могут быть использованы также слова *ترح* [*tarah*^{um}], *غصة* [*ḡuṣṣat*^{um}], *غم* [*ḡam*^{um}]. Однако они в большей мере являются синонимичными.

⁴ См. также: *Михайлова Е.В.* Художественный дискурс в аспекте концептов «душа», «тоска» и «судьба» // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Минск, 2006.

⁵ Экспликацию приведенных ниже понятий мы производим самостоятельно, опираясь на метод, предложенный А. Вежбицкой.

⁶ В определенном контекстном употреблении понятие «жалость» может включать в себя не только значение снисхождения к кому-либо, но даже презрения. Ср. *Мне жаль тебя* и *Ты жалок*.

⁷ Возможна ситуация, в которой, например, второе предложение служило бы описанием собственных ощущений говорящего.

⁸ Понятие «раскаяние» не было рассмотрено подробно. Здесь оно приводится с целью сохранения структуры таблицы.

Литература

1. *Goddard C.* Bad arguments against semantic primitives // *Theoretical linguistics*. Vol. 24. N 1. Berlin; New York, 1998. P. 129–156.
2. *Ebeling C.L.* *Syntax and Semantics. A taxonomic Approach*. Leiden, 1978.
3. *Wierzbicka A.* *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Languages*. Sydney, 1980.
4. *Wierzbicka A.* Conceptual primes in human languages and their analogues in animal communication and cognition // *Language Science*. 2004. Vol. 26. P. 413–441.
5. *Wierzbicka A.* Defining Emotional concepts // *Cognitive science*. 1992. Vol. 15. N 3. P. 539–581.
6. *Wierzbicka A.* *Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford, 1992.
7. *Аксенова Г.Н., Кожухова Н.Е., Шарана А.А.* Понятия «язык» и «культура», их соотношение в современной лингвокультурологии (тезисы) // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития. Минск, 2006. С. 48–49.
8. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.* Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
9. *Апресян Ю.Д.* Недавние американские исследования в области эмоций и эмоциональной лексики // *Семиотика и информатика*. Вып. 34. М., 1995. С. 52–53.
10. *Арутюнова Н.Д.* *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.

11. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе русского языка. Воронеж, 1996.
12. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1976.
13. *Борисов В. М.* Русско-арабский словарь. М., 1967.
14. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
15. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
16. *Воркачев С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: Опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
17. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 5 т. Т. 4. М., 1980.
18. *Зайнуллина Л.М.* Лингвистические аспекты исследования адъективной лексики в разноструктурных языках: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
19. *Зализняк А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
20. *Красавский Н.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
21. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
22. *Кучменова Ж.М.* Эмоциональные концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балканского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2005.
23. *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков / Под ред. А.Ю.Милитарева. М., 1983.
24. *Мельникова А.* Язык и национальный характер. СПб., 2003.
25. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1978.
26. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
27. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
28. *Серов Н. В.* Цвет культуры. СПб., 2004.
29. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.Н. Комаровой. М., 1975.
30. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
31. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. М., 2002.
32. *مصطفى لطفي. معهد الانماء العربي. الدراسات الانسانية. اللغة العربية في اطارها الاجتماعي، ص. 26.*
33. *علي بن هادية، بلحسن البليش. القامرس الجديد للطلاب. تونس-الجزائر. 1985.*